

Федор Иванович Леонтович

**Источники русско-литовского
права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф33

Ф33 **Федор Иванович Леонтович**
Источники русско-литовского права / Федор Иванович Леонтович – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 74 с.

ISBN 978-5-458-10436-4

ISBN 978-5-458-10436-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

М. Михайловъ, Лекціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ (1860).
Обзоръ исторіи литовскаго права (Акты Вилен. Археогр. Ком-
мисіи, 1865, I, предисл.).

Ө. Леонтовичъ, Русская Правда и Литовскій Статутъ, въ ви-
дахъ настоятельной необходимости включить литовское законода-
тельство въ исторію русскаго права (Унив. Изв. Кіев. 1865, № 2—4).

Митроп. Іосифъ, Русскій подлинникъ Литов. Статута (Правосл.
Обозр. 1865, № 5).

Чарнецкій, Исторія Литовскаго Статута, съ объясненіемъ осо-
бенностей трехъ его редакцій и предварительнымъ объясненіемъ за-
конодательныхъ памятниковъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи до изданія
Статута (Унив. Изв. Кіев. 1866, № 9; 1867, № 1, 5 — 10, — не
окончено).

О необходимости уничтоженія отдѣльныхъ правъ въ губер-
ніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, и измѣненія недостатковъ, про-
тивныхъ госуд. благоустройству (Чт. Общ. ист. и др. 1866, I).

А. Боровиковскій, Объ особенностяхъ гражданскаго права Пол-
тавской и Черниговской губерній (Жур. Мин. Юст. 1867, т. 32).

А. Каачевскій, Законы Черниговской и Полтавской губерній
(Жур. гражд. и угол. права 1875, № 1). Его же Литовскій Статутъ,
какъ источникъ мѣстныхъ правъ (ibid. 1876, № 4)

С. Пахманъ, О Литовскомъ Статутѣ (Исторія кодификаціи гражд.
права, 1876, I—II).

М. Владимірскаго-Будановъ, Отношеніе между Литовскимъ Ста-
тутомъ и Уложеніемъ ц. Алекс. Мих. (Сборн. госуд. знаній, изд.
В. Безобразовымъ, 1877, IV).

А. Кистяковскій, Историческія свѣдѣнія о сводѣ законовъ, дѣй-
ствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: Права, по которымъ
судится Малороссійскій народъ (Унив. Изв. Кіев. 1876, № 11—12).
Его же Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ (ibid.
1879) отдѣльно—1879).

W. P. Górski, Dodatek do bibliografii Statutu Litewskiego (Prze-
gląd bibl.-archeolog. 1881, II).

Wł. ks. Czetyrtyński, Jeszcze jedno słowo o Statucie Lit.
(ibid. II).

Баршевскій, Краткая исторія Литовскаго Статута (Унив. Изв.
Кіев. 1882, № 6).

К. Бестужевъ-Рюминъ, Привилей земскіе и областныя (Русск.
исторія, 1885, II).

С. Пташицкій, Описаніе книгъ и актовъ литовской метрики.
(1887).

Н. Тиличенко, Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода законовъ. (Кіевская Старина, 1888, Сент. и Окт.; отд. К. 1888).

М. Яслискій, Уставныя земскія грамоты литовско-русскаго государства (Унив. Изв. Кіев. 1889; отдѣльно 1889).

К. Снитко, О литовскомъ правѣ въ XVI в. (Акты Вилен. Археогр. Комм. 1890, т. XVII, предисл.).

С. Бершадскій, О Литовскомъ Статутѣ (О наследованіи въ выморочныхъ имуществвахъ по литовскому праву, — Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, Нояб., и отдѣльно — 1893); въ отдѣльномъ изданіи помѣщено извлеченіе изъ изслѣдованія *Даниловича*: Библиогр. описаніе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ экземпляровъ Лит. Статута. Его же Литовскій Статутъ и польскія конституціи (1893).

С. Пташинскій, Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Лит. Статута (1893). Его же Къ исторіи литовскаго права послѣ третьяго Статута (Журн. Мин. Нар. Пр. 1893, Окт., и отдѣльно — 1893).

Рубинштейнъ, О Лит. Статутѣ (Вилен. Вѣстн. 1893, № 91—94).

Ө. Лвоновичъ, Спорные вопросы по исторіи русско-литовскаго права (1893).

Общій обзоръ источниковъ. Договоры. Привилегіи земскіе и областныя.

Образованіе литовско-русскаго государства изъ двухъ народностей съ различной политической культурой неизбежно должно было вести къ подчиненію Литвы всестороннему культурному влиянію Руси, стоявшей на гораздо высшей ступени развитія сравнительно съ литовскими племенами и потому глубоко вліявшей на весь ихъ внутренній бытъ. Въ нравящихся сферахъ Литвы становятся господствующими русскій языкъ и русская письменность: туземныя обычаи Литвы ассимилируются и сѣняются обычаями и уставами русскими. Право „литовское“, какъ что-то отдѣльное отъ русскаго права, упоминается только въ болѣе древнихъ памятникахъ, и то какъ бы случайно, мимоходомъ, безъ указанія на особыя различія между ними; подъ литовскимъ правомъ разумѣлось собственно одно и то же право русское, дѣйствовавшее въ собственныхъ литовскихъ областяхъ (См. А. З. Р. I, № 159, 165; II, 13, 61, 71 и др. Skarbiec, № 432). Литовскій Статутъ предписываетъ избирать замковыхъ судей и другихъ урядниковъ изъ лицъ, „в правѣ и писма *русского* умѣетныхъ“ (Стат. 1588, разд. IV, арт. 37).

Это-то право, называвшееся „земскимъ“ или „посполтымъ“, имѣло главнымъ своимъ источникомъ одну и ту же „правду“ или „право“, „стародавніе звычаи“ или „обычаи“, народную „старину, давность, пошлуну“ и противопоставляется въ источникахъ „кривдѣ“, „повниѣ“ и пр.¹⁾ Обычное право было основнымъ

¹⁾ Будапова Христом. II, 20, 23; Ясинскаго Уст. грамоты, 113. Skarbiec, № 432, 542. Arch. Sangusz. I, № IV. А. З. Р. I, № 38, 39, 52 и пр.

источникомъ, какъ общихъ законовъ всего литовско-русскаго государства (ухвалъ, листовъ, Статута и пр.), такъ и уставовъ парткулярныхъ (областныхъ).

Старый народный обычай не теряетъ своей силы и въ пору дѣйствія „писанныхъ правъ“, изложенныхъ въ Литовскихъ Статутахъ. Статутъ старый (1529 г.) предписываетъ судьямъ и разнымъ урядникамъ вершить все дѣла по изложеннымъ въ немъ „писаннымъ правамъ“; разъ не окажется въ нихъ по какому либо вопросу подходящихъ „артикуловъ“, судьямъ предоставляется руководиться совѣстью и обычаемъ — „иодъ сумненьемъ уноменуивши Бога и го сказати воудугъ стародавниго обычай“ (р. VI, арт. 1 и 37), — за обычнымъ правомъ вполнѣ удерживается значеніе вспомогательнаго источника (ср. *ibid.* р. VI, ар. 4, 6).

Болѣе значительныя ограниченія дѣйствія обычнаго права появляются со втораго Статута (1566 г.): въ немъ принято за правило, чтобы никто изъ судей и урядниковъ не судилъ и не вершилъ ничего „съ головы и зъ умыслу своего“, но лишь по одному Статуту (Р. IV, ар. 30; ср. р. I, ар. 1; р. III, ар. 14).

Субсидіарные источники права, въ томъ числѣ и обычное право, признаются третьимъ Статутомъ (1588 г.). Въ немъ предписывается судьямъ, при недостаткѣ статутовыхъ опредѣленій для разрѣшенія даннаго вопроса („а гдѣ бы чего въ томъ Статуте не доставало“), вершить дѣла, сообразуясь съ своей совѣстью (воле сумненья) и „блѣжшею справедливостью“, а также принимая во вниманіе „ишія права хрестпаньскія“ (р. IV, ар. 54), — каноническое, римское, польское и магдебургское (см. проф. С. А. Бершадскаго о наследованіи въ выморочныхъ имуществвахъ по литов. праву, стр. 27—29).

При этомъ „звычай стародавній“ разсматривается, какъ главный субсидіарный источникъ права (р. III, ар. 17; IX, 32; XIV, 9), дѣйствовавшій въ судебной практикѣ предпочтительно предъ аналогическими положеніями иностраннаго права (см. проф. Бершадскаго Литовскій Статутъ и польскія конституціи, 49, 55). По Статуту 1588 г. господарь обязывается „все привилія земскіе стародавныя, и ново отъ насъ даныя вольности и звычайи

добрыя стародавныя ховати и ни въ чомъ того не нарушати“ (раз. III, арт. 15).

Обычай, старина, пошлица являясь въ старой Литвѣ основной формой развитія права. О литовцахъ время Мипдовга свидѣтельствуетъ папа Иннокентій IV: они жили по „законамъ природы“, въ смыслѣ обычая отцовъ и дѣдовъ, — „gens hujusmodi olim solita lege naturae vivere“ (Naruszewicz, Hist., V, p. 14). До изданія Статута въ Литвѣ вообще не существовало „право писанное“ (роч. jus scriptum, въ противоположность обычаю, праву не писанному), подобно Русской Правдѣ, Литовскому или Вислицкому Статутамъ. Канцлеръ Гастольдъ, въ своемъ похвальномъ словѣ Сигизмунду I по поводу изданія Статута 1529 г., говоритъ о Ягеллѣ и Витовтѣ, что они дали Литвѣ вѣру, но не оставили права. — „iura per quae nobis norma recte et catholice vivendi praescriberetur non reliquerunt“ (Jaroszewicz, Obraz, I, p. 144). Подобнымъ же образомъ Сигизмундъ I, въ своемъ привилеѣ (1522 г.) объ изданіи „писанныхъ правъ“ (Zbiór pr. Lit., 122), свидѣтельствуетъ, что до него помимо обычая не существовало въ Литвѣ писанныхъ законовъ, которыми судьи могли бы руководиться по вѣмъ дѣламъ („in magno ducatu nostro Lithvaniae nullis legum statutaris literis deformatis judicia fiebant, alias justitia sola consuetudine et juxta unicuiusque capitis prudentiam atque conscientiam ministrabatur, prout unicuique judicandi justius et rectius, vel etiam corruptius videbatur“).

Памятники русско-литовскаго права появляются еще при первыхъ вел. князьяхъ литовскихъ, первоначально лишь въ формѣ договоровъ литовскихъ господарей съ сосѣдними народами, позже (съ XIV ст.) въ видѣ разнаго рода жалованныхъ грамотъ, литовъ и привилеевъ, дававшихся на „права и вольности“ боярству, отдѣльнымъ землямъ и пр. Законы, касавшіеся внутренней жизни государства, начинаютъ издаваться не раньше XIV ст. Древнѣйшими законодательными памятниками Литвы, сохранившимися отъ этого столѣтія, нужно считать жалованную грамоту Ольгерда, данную въ 1337 г. дворянину Тункелю (Skarbiec, № 352), и рядъ Ольгерда съ Кейстутомъ въ 1372 г. (ib. № 451). Соб-

ственно же съ конца XIV ст., т. е. съ первой уніи Литвы съ Польшей (при Владиславѣ-Ягелѣ), начинаеть развиваться „писанное право“ въ формѣ привилеевъ на разныя „вольности“, - появляются первые опыты уставной регламентаціи разнообразныхъ отношеній публичной и частной жизни.

Въ уставной практикѣ Литвы долго удерживалось изстаринное русское названіе законодательныхъ актовъ *грамотами* (см. наприм., А. З. Р. I, № 22; А. Ю. З. Р. I, № 17; Arch. Sangusz. I, № IV, VIII; Sokolowski—Szujski, Codex. epist. s. XV, № 9 и пр.) и *правдою*. Названіемъ „правды“ обозначаются нѣкоторые изъ древнѣйшихъ литовскихъ актовъ. Таковы, наприм., договоры Ольгерда и Кейстуга (1345) или Ягеллы и Скиргайла съ Смоленскимъ княземъ Юрьемъ Святославичемъ (1386 г.); такова же грамота (1387 г.) Ягеллы Скиргайлу на Троки, Полоцкъ и другія волости (см. Skarbicec, № 376, 542; лѣтописецъ Дашловича, 28. Arch. Sangusz. I, № IV. Sokolowski—Szujski, Codex, № 9). Обычнымъ же названіемъ литовско-русскихъ актовъ было изстарин *листвы* и *привилеи*, или *привилейы*. Первое названіе принималось не только къ грамотамъ жалованнымъ или льготнымъ, но и къ такимъ уставамъ, какъ, напр., извѣстный Судебникъ, изданный Казиміромъ Ягеллономъ въ 1468 г. подъ общимъ наименованіемъ „листа“ (А. З. Р. I, № 67; Владимирскаго—Буданова Христомат. II, 34. Ср. А. З. Р. I, № 4, 6, 7, 36, 61, 129 и пр.; Arch. Sangusz. I, № IX). „Привилье“, или „привилей“, обозначалъ первоначально партикулярный законъ, издававшійся для отдѣльныхъ областей, городовъ, сословій и пр. Привильями назывались въ старое время не только акты уставной дѣятельности литовскихъ князей великихъ и удѣльныхъ, но и акты частныхъ сдѣлокъ; такова, наприм., одна изъ древнѣйшихъ купчихъ 1366 г. (См. Ак. Вил. Археогр. Комм., VIII, № 5). Въ нѣкоторыхъ актахъ названіе привилея замѣняется иногда „жалованьемъ“ (А. З. Р. I, № 36), „приказаньемъ“ (А. Ю. З. Р. I, № 34), „местатнымъ“ привилеемъ или „местатомъ“. Последніе наименованіе примѣнено, наприм., къ земскому привилею Казиміра 1457 г. (А. З. Р. I, 61; см. также *ibid.* № 213). Привилей являлся основной формой развитія русско-литовскаго права до позднѣйшаго времени. Подъ

общимъ титуломъ привилеевъ являлись русско-литовскіе законы не только въ древнѣйшее время (до конца XV ст.), когда уставная функція исключительно принадлежала литовскимъ государямъ, но и въ послѣдующую эпоху сеймовыхъ *указовъ, уставовъ и конституцій*, — законовъ, издававшихся на общихъ („вальныхъ“) государственныхъ сеймахъ. Какъ въ старое время литовскіе господа вѣ своихъ привилеехъ и листахъ санкспровали стародавнѣе „звычай“ и „пошлины“, издавали также новыя „уставы“ и „ухвалы“ или предоставляли „жалованья“, „вольности“ и „милости“ сословіямъ, областямъ, городамъ и отдѣльнымъ лицамъ, такъ и позже всякая „ухвала“, „устава“ и „конституція“ законодательныхъ сеймовъ непремѣнно облакались въ форму „господарскаго“ привилея и въ такомъ видѣ отъ имени господаря обнародывались во всеобщее свѣдѣніе (о привилеехъ см. А. З. Р. I, № 9, 36, 103, 129, 144 и пр. Ср. Владимірскаго—Буданова Христ. II, 34; Яснискаго Уст. зем. грамоты, 5—9). Литовскій Статутъ, которымъ завершилась кодификація русско-литовскаго права, представляетъ собой не больше, какъ лишь сводъ привилеевъ (по преимуществу шляхетскихъ) съ „стародавними“ русскими обычаями (см. наше изслѣд. — „Русская Правда и Литов. Стат.“, Унив. Извѣст. 1865, № 2, стр. 13).

По вѣрному замѣчанію изслѣдователей, уставная функція старыхъ литовскихъ господарей сводилась преимущественно лишь къ узаконенію господствующаго обычая. „Государственная власть всюду и всегда смыается не на законъ, а на пошлину, старину, обычай, какъ на источникъ права, освящаетъ ихъ своимъ авторитетомъ, облакаетъ часто въ форму закона и ревниво охраняетъ отъ всякихъ нововведеній“ (см. Яснискаго Уст. зем. грамоты, стр. 4). Пормы, изложенныя въ запискѣ о Смоленской пососинѣ (около 1453 г.), принадлежащей къ древнѣйшимъ актамъ уставной дѣятельности литовскихъ господарей, прямо названы стариной: „то старина за Витовта была, повѣдаютъ стары старцы и путники старый“ (Владим.—Буданова Христом. II, 20). Подтверждая въ 1486 г. за Лучанами старинныя льготы по подводной повинности, Казиміръ Ягеллонъ говоритъ въ своемъ привилее: „мы старины не рухаемъ, а новины не уводимъ“ (А. З.

Р. I, № 90). Подобной-же оговоркой заключается привилей 1494 г. Александра Кіевлянамъ: „мы никому новины не велимъ уводити, а старины рухати“ (ibid. № 120; ср. № 127 и пр.). Ненарушимость старины еще рѣзче формулируется въ Кіевскомъ привилей 1507 г.: „мы старины не рушаемъ, а новины не вводимъ, хочемъ все потому имѣти, какъ будетъ было за в. ки. Витовта и за Жикгимонта“ (Ясненскаго Уст. грам., 113). Та же забота объ охранѣ стараго обычая высказывается и въ „Лит. Статутъ, который разсматриваетъ господаря, какъ верховнаго хранителя и оберегателя не только существующихъ законовъ, но и старыхъ народныхъ „звичаевъ“ (Ст. 1529, III. 6; Ст. 1566, III, 12; Ст. 1588, III, 15; Ср. также Ст. 1529, I, 22; IV. 4 и пр.).

Вообще говоря, древніе привилеи, листы и другіе памятники русско-литовскаго права нужно несомнѣнно относить къ актамъ кодифицированнаго обычнаго права, констатировавшагося на судѣ и нарядѣ господарскомъ путемъ вѣщанія („свѣдства“) пошлннъ старожильцами (старыми людьми, старцами), добрыми людьми, судными мужами и боярами, участвовавшими въ старое время въ господарской радѣ и судѣ въ роли „вѣщателей“ старыхъ пошлннъ и обычаевъ. Примѣромъ изданія уставовъ путемъ констатированія и записыванія пошлннъ въ листахъ и привилейхъ можетъ служить упомянутая выше записъ о Смоленской посощи-нѣ (ок. 1453 г.), составленная по „старинѣ“, согласно показаніямъ „старыхъ старцовъ и путниковъ старыхъ“. Большинство „уставъ“ и „ухвалъ“, изданныхъ до Статута, возникло именно изъ судебныхъ вырочковъ господаря съ радой: вырочки эти постановлялись на основаніи старыхъ обычаевъ, констатированныхъ на судѣ путемъ опроса лицъ, близко знавшихъ народную „старину“, и затѣмъ, по особому постановленію господаря съ радой, признавались общей „ухвалой“, вносившейся въ урядовыя книги (метрику) для руководства на будущее время въ судебной и административной практикѣ (см. напр., Skarbice, № 2207, 2208, 2210, 2234; о констатированіи обычаевъ на судѣ см. ibid. № 2261 и пр.). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ мѣстныхъ судахъ представлялись почему либо затрудненія констатировать обычай во время судебного разбирательства даннаго дѣла, рѣшеніе по-

слѣднiяго откладывалось до общаго или мѣстнаго „сейма“ пановъ, который и предлагалось каждый разъ особыми господарскими листами точно опредѣлять по данному спорному вопросу руководящiя нормы „подле давности обычая и права“, имѣвшихъ силу въ данной мѣстности (см. объ этомъ любопытныя указанiя, наприм., въ вырокѣ 1527 г. по дѣлу князя Андрея Сангушковича съ землями вольцкимъ Ставецкимъ, А. Ю. З. Р. II, № 114; Arch. Sang III, № 334 и 336).—Тотъ же порядокъ констатированiя пошлины путемъ судебной практики признается и въ старомъ Статутѣ. Статутъ предоставляетъ судьямъ руководиться старыми обычаями, разъ по данному вопросу не имѣется въ наличности руководящаго опредѣленiя въ Статутѣ: при чемъ обычай, записанный на судѣ, долженъ быть судьями „объявленъ“ на первомъ же вальномъ сеймѣ для окончательнаго утверждени его въ качествѣ общей сеймовой ухвалы (Ст. 1529, VI, 6, 37).

До конца XV ст. уставная функцiя всецѣло принадлежала литовскимъ господарямъ. Съ земскаго (шляхетскаго) привилея 1492 г. законодательная власть господаря ограничивается: по этому привилею господарь издаетъ законы вмѣстѣ съ радой, подл непремѣннымъ условiемъ согласiя на то пановъ радныхъ (Zbióg pr. lit., p. 62, § XX). По старому Статуту господарь издаетъ новыя законы, привилеи и уставы, измѣняетъ и отмѣняетъ существующiе законы не иначе, какъ на литовскомъ общемъ (вальномъ) сеймѣ (имѣвшемъ въ то время значенiе той же господарской рады, только въ полномъ составѣ ея членовъ) „съ ведомостью, порадую и призволенiемъ“ пановъ—радъ (р. I, 25; III, 6). Съ сеймовой ухвалы 1565 г. (объ учрежденiи повѣтовыхъ сеймиковъ и посольской пзбы) законодательная власть въ литовскомъ государствѣ, какъ и въ Польшѣ, окончательно раздѣляется между господаремъ и избамн (kolami) радной и посольской, въ своей совокупности и составлявшихъ „вальный“ сеймъ — основной органъ законодательной власти (А. З. Р. II, № 38. Времен. Моск. Общ. Ист. и др., кн. 23, стр. 11—12).— По второму и третьему Статутамъ законы издаются на вальныхъ сеймахъ „съ ведомостью и порадую“ пановъ—радъ и „съ призволенiемъ“ — по второму Статуту всѣхъ „земель“ государства, а по третьему всѣхъ „ста-

новъ сойму належачихъ“, т. е. короля и избъ радной и посольской (Стат. 1566, III, 12; Ст. 1588, III, 9, 15).

По изстаринному славянскому обычаю, всякія грамоты и уставы законодательные въ старое время обнародовались во всеобщее свѣдѣніе на „торгу“, въ церккахъ и пр. Сохранилась, напр., одна изъ грамотъ польскаго князя Лешка, 1221 г., обнародованная на торгу („*qui de mandato meo libertatem proclamavit in foro de Sarnowe*“—въ той общинѣ, часть которой была пожалована Сулеевскому монастырю; см. Rzyszczewski, Codex, I. p. 24). Затѣмъ, по примѣру Польши ¹⁾, въ Литвѣ учреждается при господарской канцеляріи общій государственный архивъ, позже извѣстный подъ именемъ „литовской метрики“ (*Acta Magni Ducatus Lithuaniae*), первые упоминанія о которой встрѣчаемъ въ источникахъ второй половины XIV ст. Сколько намъ извѣстно, древнѣйшимъ актомъ, внесеннымъ въ литовскую метрику считается договоръ Ольгерда съ нѣмцами 1367 г. (Skarbies, № 437). Сохранились свѣдѣнія о записи въ ту же метрику и позднѣйшихъ актовъ законодательныхъ и дипломатическихъ (*ibid.*; № 462, 469, 494, 502, 516 и пр.). Съ половины XV ст. уже исполнѣ установленъ въ Литвѣ обычай регистровки въ метрику всякаго рода листовъ и ухвалъ, послѣ утвержденія ихъ въ общемъ законодательномъ порядкѣ. Такимъ образомъ, ухвала о „выводѣ шляхетства“, изданная господаремъ съ панами — радою на вальномъ Виленскомъ сеймѣ въ 1507 г., была записана „у книги“, по особому опредѣленію господара съ радой (Skarbies, № 2192). На такихъ же основаніяхъ вносились въ метрику ухвалы: о вѣнѣ 1519 г., лѣсничемъ урядѣ 1512 и пр. (*ibid.*, 2207, 2234, 2261).

¹⁾ Въ Польшѣ уже съ XIII ст. главнѣйшіе государственные акты и законы стали вноситься въ королевскій, позже вообще коронный архивъ, или метрику, каковая велась при господарской канцеляріи для внесенія въ „*registry*“ и „*inwentarzy*“ метрики актовъ законодательныхъ и дипломатическихъ, а также важнѣйшихъ актовъ административной и судебной практики. Съ конца XIV ст. стали заводиться также мѣстные архивы (книги, метрики) въ отдѣльныхъ польскихъ областяхъ (См. Czacki, Dzieła, II, 149. 161. Ср. Skarbies, № 72, 75, 81 и пр.).